ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА

ЗАГАДОЧНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ВЪ СЛОБОДѢ ЛИПЦАХЪ

ВЪ 1852—1853 гг.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ

Дѣлу Харьковскаго Уѣзднаго Суда о явленіяхъ въ квартирѣ начальника Липецчой конно-этапной команды капитана Жандаченко.

НАПЕЧАТАННОМУ ВЪ ИЗДАНІИ А. Н. АКСАКОВА

«ПРЕДВѢСТНИКИ СПИРИТИЗМА».

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

По настольному №

ДѢЛО

ХАРЬКОВСКАГО УѢЗДНАГО СУДА

О явившихъ бывшихъ въ квартирѣ начальника липецкой конно Этапной команды капитана Жандаренка и опожаре произшедшемъ въ слѣдствіе онаго 25 числа Іюля 1853 года въ слободѣ Липцахъ

Началось *25 Іюля* 1853 года

Кончилось *31 Іюля* 1856 года

На *208* — листахъ.

Стола

А. Н. Аксаковъ.

ПРЕДВѢСТНИКИ СПИРИТИЗМА.

Выдающіеся случаи самопроизвольныхъ медіумическихъ явленій за послѣднія 250 лѣтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Перечень 45 русскихъ случаевъ такъ называемыхъ самопроизвольныхъ медіумическихъ явленій съ 1840 по 1894 г.

II. Дѣло харьковскаго уѣзднаго суда о явленіяхъ, бывшихъ въ квартирѣ капитана Жандаченко. въ слободѣ Липцахъ, въ 1853 г.

III. Самопроизвольныя медіумическія явленія на хуторѣ А. В. Щапова (въ Уральской области) въ 1870 — 1871 г.

IV. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ русской крестьянской избѣ. въ Нижегородской губ.. въ 1888 г.

V. Самопроизвольныя медіумическія явленія, происходившія въ Швейцаріи. въ домѣ Іоллера. въ 1860 — 1862 г.

VI. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ 1852 г. въ Бергцаберпѣ. въ Баварскомъ Пфальцѣ.

VII. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ Сидевилѣ, во Франціи. въ 1850 — 1851 г.

VIII. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ 1767 г. въ Диббесдорфѣ, въ Германіи.

IX. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ домѣ Уэслея въ Эпъуорсѣ. въ Англіи. въ 1716—1717 г.

X. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ Тедъуорсѣ, въ Англіи, въ 1661 — 1663 г.

XI. Самопроизвольныя медіумическія явленія въ семействѣ Фоксовъ. въ Гайдсвилѣ. въ Сѣверной Америкѣ, въ 1848 г.

XII. Отчетъ коммиссіи. собравшейся въ Миланѣ, въ 1892 г., для опытовъ и наблюденій надъ медіумическими явленіями, вызываемыми экспериментально.

Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА

ЗАГАДОЧНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ВЪ СЛОБОДѢ ЛИПЦАХЪ

ВЪ 1852—1853 ГГ.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ

ДѢлу Харьковскаго Уѣзднаго Суда о явленіяхъ въ квартирѣ начальника Липецкой конно-этапной команды капитана Жандаченко,

НАПЕЧАТАННОМУ ВЪ ИЗДАНІИ А. Н. АКСАКОВА

«ПРЕДВѢСТНИКИ СПИРИТИЗМА».

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го мая 1897 года.

Спб. Типографія В. Демакова,
Новый пер., д. № 7.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ОЧЕВИДЦА ЗАГАДОЧНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ВЪ СЛОБОДѢ ЛИПЦАХЪ.

(1852—1853 гг. [1]).

Родомъ я изъ Черноморья, сынъ казачьяго есаула, воспитывался въ Харьковѣ, въ качествѣ войскового стипендіата. Черноморское войско (съ 1860 г. переименованное въ Кубанское) въ 40-хъ годахъ не имѣло своей

---

[1]) Въ 1895 году мною были изданы «Предвѣстники Спиритизма», и тутъ на первомъ мѣстѣ было цѣликомъ напечатано попавшее въ мои руки, удивительными судьбами уцѣлѣвшее, подлинное «Дѣло харьковскаго уѣзднаго суда о явленіяхъ, происходившихъ въ 1853 году въ слободѣ Липцахъ, въ квартирѣ капитана Жандаченки». Для полноты этого первокласснаго случая такъ называемыхъ нынѣ самопроизвольныхъ медіумическихъ явленій, несомнѣнность которыхъ была доказана двукратнымъ судебнымъ разслѣдованіемъ, не доставало подробностей о домашней обстановкѣ всего событія и всѣхъ дѣйствующихъ тутъ лицъ и ихъ характеристики. Гдѣ было искать свидѣтелей происходившаго едва не полъ вѣка тому назадъ? И вотъ совершенно неожиданно, благодаря опубликованію этого дѣла, такой свидѣтель нашелся. Въ маѣ прошлаго 1896 г. я получилъ изъ Екатеринодара (Кубанской области), отъ присяжнаго повѣреннаго Александра Васильевича Михина письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что, узнавъ изъ «Ребуса» объ изданіи судебнаго дѣла о липецкихъ явленіяхъ, считаетъ

гимназіи и для дальнѣйшаго образованія дѣтей казачьихъ офицеровъ, съ успѣхомъ окончившихъ 4-хъ классное войсковое въ Екатеринодарѣ училище, опредѣляло ихъ за свой счетъ въ пансіонъ при 1-ой Харьковской гимназіи, а съ окончаніемъ курса — и въ Харьковскій университетъ, гдѣ въ то время оно имѣло по пяти вакансій. Окончивъ училище въ іюнѣ 1848 г., я получилъ войсковую стипендію въ Харьковѣ и въ сентябрѣ того же года, имѣя 11 съ половиною лѣтъ, былъ принятъ въ первый классъ гимназіи.

Мѣсяцемъ ранѣе въ тотъ же классъ поступилъ своекоштнымъ пансіонеромъ и Константинъ Жандакъ, которому тогда едва исполнилось 10 лѣтъ; мальчикъ слабый, золотушный и отъ природы робкій и застѣнчивый. Какъ «новичекъ», онъ постоянно подвергался всякимъ школьнымъ испытаніямъ и подъ тяжестью ихъ, по выраженію товарищей-остряковъ по его адресу, «никогда

не лишнимъ сообщить мнѣ, что въ Екатеринодарѣ проживаетъ очевидецъ этихъ явленій, даже весьма близкій ихъ свидѣтель, такъ какъ онъ жилъ тогда въ домѣ самого Жандаченки, въ качествѣ товарища его сына; что этотъ свидѣтель—Федоръ Карповичъ Зарѣцкій, д. с. с.. по сіе время состоящій на государственной службѣ, и что отъ него онъ не разъ слышалъ много интересныхъ подробностей объ этомъ загадочномъ дѣлѣ. Тутъ возникла, разумѣется, между мною, г. Михиннымъ и г. Зарѣцкимъ, къ которому я обратился со многими разспросами, пространная переписка; она привела къ тому, что г. Зарѣцкій любезно обѣщалъ мнѣ самъ изложить подробно всѣ обстоятельства этого дѣла, о которомъ онъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Результатомъ этого обѣщанія и явились печатаемыя здѣсь «Воспоминанія», отличающіяся замѣчательной точностью и полнотою изложенія. Они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ, вполнѣ завершающій исторію этого необыкновеннаго случая, и намъ остается только благодарить г. Зарѣцкаго за этотъ документальный разсказъ, который онъ не отказался скрѣпить своимъ именемъ. *А. Аксаковъ.*

не высыхалъ отъ слезъ». Плохая подготовка также приносила ему не мало огорченій. Самъ я ранѣе, еще въ училищѣ, прошелъ школу преслѣдованій и всякихъ издѣвательствъ, которую обыкновенно въ то время проходили «новички», особенно въ закрытыхъ заведеніяхъ, а главное, какъ казакъ, способный, по утвердившемуся въ пансіонѣ мнѣнію, въ видахъ самозащиты, на самыя крайнія средства, я скоро успѣлъ обезпечить въ этомъ смыслѣ свое положеніе и самымъ рѣшительнымъ образомъ принялъ на себя защиту гонимаго Кости Жандака. Въ занятіяхъ также постоянно приходилось оказывать ему товарищескую помощь.

Такимъ образомъ, сближаясь постепенно и часто разговаривая «про домашнее», мы знакомились съ нашею семейною обстановкою, въ которой росли до поступленія въ пансіонъ, и, находя въ ней много общаго, стали еще ближе другъ къ другу. Уѣзжая на Рождество, Костя имѣлъ одну двойку, къ Святой выровнялся, а на лѣтнюю вакацію онъ уѣхалъ ученикомъ 2-го класса.

Въ первый годъ своего пребыванія въ гимназіи я остался въ пансіонѣ на каникулярное время. Въ войсковые степендіаты обыкновенно попадали бѣдняки, и потому они въ продолженіе гимназическаго и университетскаго курса домой на побывку не ѣздили. Это вошло въ обычай, такъ что каждый изъ насъ, получившій войсковую стипендію, заранѣе съ этимъ мирился.

Послѣ вакаціи отецъ Кости познакомился со мною, благодарилъ за помощь сыну и просилъ меня не отказывать въ ней и на будущее время. На Рождество онъ предложилъ мнѣ поѣхать къ нимъ въ слободу Липцы Харьковскаго уѣзда, въ 28-ми верстахъ отъ Харькова [1]).

[1]) Къ сѣверу отъ Харькова, на бывшей почтовой дорогѣ изъ Харькова на Бѣлгородъ — Курскъ.

Начальство гимназіи отнеслось къ просьбѣ г. Жандака благосклонно и дало мнѣ разрѣшеніе на такія побывки; такъ что съ этого времени, съ декабря 1849 г., я начинаю пользоваться отпусками въ домъ г. Жандака. Эти поѣздки продолжаются въ теченіе всего гимназическаго и университетскаго моего пребыванія въ Харьковѣ, по декабрь 1859 г., когда я, по окончаніи университета, возвратился на родину.

Липцы—большая слобода государственныхъ крестьянъ-малороссовъ съ тремя церквами, волостнымъ и сельскимъ правленіями, начальнымъ училищемъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, почтовою станціею и этапнымъ домомъ, въ которомъ было двѣ казармы для этапной команды, изъ 3 человѣкъ, имѣвшей здѣсь постоянное мѣстопребываніе, и двѣ камеры (мужская и женская) для пересыльныхъ арестантовъ, которые должны были имѣть въ Липцахъ двухдневную дневку по положенію. Здѣсь же было мѣстопребываніе начальника этапной команды, пристава 2-го стана Харьковскаго уѣзда и акцизнаго надзирателя. Непосредственно къ слободѣ примыкала деревенька Алексѣевка, принадлежавшая двумъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ Головкову и Григороссуло, и тѣмъ еще болѣе увеличивала протяженіе Липцовъ.

По главной улицѣ Липцовъ съ юга на сѣверъ пролегалъ почтовый московскій трактъ, по которому въ то время направлялась и почтовая гоньба и доставка клади, перевозимой обозами извозчиковъ. Поэтому, чтобы удовлетворить спросу проѣзжающихъ и обозовъ на заѣзжіе дворы, на этой улицѣ, по обѣимъ ея сторонамъ (восточной и западной), селились преимущественно хозяева, открывавшіе постоялые дворы, которые чаще всего у нихъ снимались въ наемъ русскими мужичками, которыхъ называли здѣсь «дворниками». Постройки главной

улицы не имѣли ничего общаго съ типичными малороссійскими «хатами», которыхъ здѣсь почти не попадалось, и всѣ были по одному плану: изба дѣлилась на двѣ половины сквозными сѣнями съ двумя выходами, однимъ — на улицу, другимъ — во дворъ, кругомъ котораго съ трехъ сторонъ тянулись непрерывные съ соломенною крышею на столбахъ навѣсы для заѣзда обоза въ непогоду; внутри двора находился колодезь.

Такая же изба съ дворомъ на западной сторонѣ главной улицы, почти къ околицѣ (въ сторону Бѣлгорода), была отведена обществомъ подъ квартиру начальника этапной команды. Въ этой квартирѣ капитанъ Жандакъ прожилъ около семи лѣтъ, примирясь съ тѣснотою и другими неудобствами, прожилъ благополучно и въ согласіи съ сосѣдями. Мой пріѣздъ къ нему совпадаетъ съ постановленіемъ общества, съ которымъ г. Жандакъ всегда состоялъ въ ладахъ, отыскать для него другую квартиру, болѣе помѣстительную, какъ бы въ награду за его долготерпѣніе. Признаюсь, помѣщеніе капитана Жандака даже на меня-юнца сдѣлало удручающее впечатлѣніе, такъ оно было низко, тѣсно, мизерно. Господская половина, къ сѣверу, была раздѣлена перегородкою на двѣ клѣточки; за перегородкой помѣщалась спальня стариковъ, въ первой со входа была пріемная, съ двумя окошцами на востокъ, посылавшими вѣчно какой-то полусвѣтъ, и настолько мала, что не давала мѣста для другого диванчика, такъ что мы съ Костею спали просто на полу, по-солдатски, на мѣшкахъ, набитыхъ соломою, вмѣсто матрацовъ. За то привѣтливость и ласки хозяевъ, которыми они окружали меня, скоро заставили забыть всѣ неудобства, и я почувствовалъ себя у нихъ, какъ въ родной семьѣ.

Отецъ Кости, Николай Прохоровичъ Жандакъ, изъ

дворянъ Черниговской губерніи (при поступленіи на службу за нимъ осталось и «уличное» его прозвище «Жандаченко»), началъ службу свою въ гусарскомъ полку въ западныхъ губерніяхъ вольноопредѣляющимся. Видимо, служилъ онъ не только «за страхъ», но и «за совѣсть», такъ какъ онъ прошелъ здѣсь всѣ доступныя для нижняго чина повышенія, включительно до старшаго вахмистра въ эскадронѣ. Эскадронный командиръ, образцовый служака и гроза въ эскадронѣ, не только довѣрялъ своему вахмистру, полагался на него во всемъ, что касалось строевой и хозяйственной части, но и любилъ его, какъ преданнаго, честнаго и способнаго помощника. Видя большія прорѣхи въ школьной выучкѣ своего вахмистра, онъ находилъ время удовлетворять любознательности недоучки. Самъ обучалъ его правиламъ практической ариѳметики и грамматики, назначалъ для обязательнаго чтенія русскую исторію и географію, отъ поры до времени провѣряя и наставляя своего ученика. По усмиреніи польскаго мятежа въ 30-хъ гг., когда вахмистръ его задумалъ жениться на сиротѣ-полькѣ, онъ не только не противился этому браку, но самъ взялся устроить переходъ ея въ православіе, былъ у нихъ посаженымъ отцомъ и помогалъ имъ устроиться своимъ хозяйствомъ.

Съ выслугою срока Николай Прохоровичъ былъ отчисленъ отъ полка, съ производствомъ въ прапорщики и съ зачисленіемъ въ Харьковскій гарнизонный батальонъ. Здѣсь онъ также выдвинулся знаніемъ строевой и хозяйственной части и своею исполнительностью. Съ производствомъ въ поручики онъ назначенъ былъ начальникомъ Липецкой конно-этапной команды. Свою часть онъ поставилъ твердо и на хорошую ногу. Человѣкъ безусловно трезвый, честный, но крутого нрава,

требовательный и настойчивый, онъ не переваривалъ лжи, обмана, малѣйшаго нарушенія дисциплины и жестоко ихъ каралъ. Свойства этапной службы требовали иногда быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ — въ такихъ случаяхъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливался; такъ передача, напримѣръ, арестантамъ табаку и водки сопровождалась для обѣихъ сторонъ примѣрнымъ сѣченіемъ розгами. Одно появленіе «этапнаго» заставляло команду и «партію» (пересыльныхъ) ежиться и подтягиваться. Не посягавшій на солдатскій грошъ, онъ не мирволилъ солдату, за то и въ обиду его не давалъ. За время службы въ Липцахъ на инспекторскихъ смотрахъ ни разу не было предъявлено къ нему «претензіи» ни со стороны команды, ни со стороны липецкаго общества. И смотры приносили ему благодарность и репутацію лучшаго этапнаго начальника. На видъ Николаю Прохоровичу можно было дать лѣтъ за 50. Это былъ вполнѣ здоровый и крѣпкій человѣкъ, высокаго роста, плечистый, статный, съ выправкою того времени и большою выдержкою. Волнистые волосы съ легкою просѣдью, высокій лобъ, искрящіеся глаза и роскошные усы дѣлали его привлекательнымъ. Привѣтливость и умѣнье обойтись съ человѣкомъ располагали въ его пользу. Внѣ службы, въ домашнемъ быту и въ кругу знакомыхъ, это былъ балагуръ, недурной разсказчикъ и веселый собесѣдникъ. Хозяйствомъ онъ совсѣмъ не занимался, предоставивъ женѣ своей, Дарьѣ Ивановнѣ, въ этомъ дѣлѣ полную самостоятельность.

Въ годъ моего перваго къ нимъ пріѣзда Дарья Ивановна выглядѣла женщиною среднихъ лѣтъ, хотя ей было уже 43 года. Ниже средняго роста, съ слѣдами былой красоты, она какъ бы соперничала съ мужемъ въ обходительности, была привѣтлива, ласкова, предупре-

дительна, по характеру спокойная и ровная въ обращеніи. Плохо говоря по русски, она часто конфузилась своихъ промаховъ и постоянною своею доброю, какъ бы виноватою, улыбкою старалась ихъ заглаживать; поэтому, можетъ быть, была молчалива и большая домосѣдка. Хозяйка она была хорошая: обѣдъ она готовила сама, любила водить птицу, завести огородину; за мытьемъ бѣлья присматривала неукоснительно. Николай Прохоровичъ относился къ женѣ съ особымъ уваженіемъ, тепло и предупредительно. Дарья Ивановна отвѣчала ему тѣмъ же. Между ними было полное согласіе. Они были люди весьма набожные, здоровые и сохранившіеся не по лѣтамъ.

Дѣтей у нихъ было двое, дочь и сынъ. Дочь они похоронили уже въ Липцахъ и всегда вспоминали о ней съ какою-то тихою грустью. Сына Костю они лелѣяли, баловали и берегли, какъ зеницу ока.

При ограниченныхъ средствахъ семья привыкла довольствоваться услугами денщика и крѣпостной женщины. Думаю, что у хозяйки умѣлой, чистоплотной и взыскательной не легко жилось прислугѣ. И если Василій Кораблевъ не разучился балагурить, то Афимья за двухъ молчала и, казалось, лишена была способности улыбаться. Это была женщина среднихъ лѣтъ, худая и блѣдная, съ ровнымъ, покорнымъ взглядомъ и несообщительная. Гораздо позднѣе слѣдствіемъ былъ установленъ фактъ близкихъ отношеній между ними. Всю тяжесть черной работы эти двое людей выносили терпѣливо, и если приходилось имъ часто слушать незлобивую воркотню хозяйки, то гонкѣ со стороны хозяина они почти не подвергались. Господа были съ ними требовательны, но сдержаны; работать приходилось имъ много, но и отдыхъ имѣли они достаточный. Поэтому и поводовъ къ озлобленію противъ господъ у нихъ не существовало. Въ этомъ домѣ царила

чисто нѣмецкая закваска; работали всѣ, не покладая рукъ: Дарья Ивановна съ прислугою по дому, Николай Прохоровичъ въ командѣ, по канцелярiи, и дѣлалъ онъ свои «походы» съ правильностью маятника.

«Походы» конно-этапной команды состояли въ томъ, что она два раза въ недѣлю неизмѣнно выступала изъ Липцовъ съ партiею пересыльныхъ арестантовъ, имѣвшихъ здѣсь, по положенiю, двухдневную передышку. По воскресеньямъ она выступала на югъ, по направленiю къ Харькову, на полуэтапъ въ с. Цыркуны (на полупути между Липцами и Харьковомъ). Сюда же въ этотъ день прибывала Харьковская этапная команда, получившая партiю изъ тюремнаго замка, слѣдовавшую на сѣверъ. На другой день начальники командъ размѣнивались партiями и отправлялись обратно: одинъ—въ Харьковъ для сдачи арестантовъ въ замокъ, другой — въ Липцы, гдѣ партiя дѣлала передышку. Въ среду эта партiя съ командой направлялась далѣе на сѣверъ, на полуэтапъ въ село Чермошанское Курской губернiи, Бѣлгородскаго уѣзда, въ 22-хъ верстахъ отъ Липцевъ и почти на такомъ же разстоянiи отъ Бѣлгорода. Въ Чермошанскомъ, сдавъ свою партiю начальнику бѣлгородской этапной команды и получивъ отъ него взамѣнъ партiю, направляемую на югъ, начальникъ команды въ четвергъ возвращался домой въ Липцы до воскресенья и т. д.

Партiю сопровождали пѣшiе и конные нижнiе чины съ начальникомъ во главѣ на лошади. Для слабыхъ, больныхъ и женщинъ, а также и для вещей полагались подводы отъ сельскихъ обществъ.

Въ эту жизнь, полную однообразiя, мы съ Костею, пріѣзжая изъ гимназiи, вносили замѣтное оживленiе. Безконечные разговоры про пансiонную и классную жизнь и всякаго рода продѣлки тѣшили стариковъ, а подчасъ

вызывали со стороны Николая Прохоровича и порицанія, даже головомойку съ неизбѣжными предостереженіями, что за участіе въ «такихъ» дѣлахъ виновный будетъ лишенъ побывокъ. Особенно любили старики слушать *Гоголя* въ моемъ чтеніи, которымъ зачитывались мы и въ пансіонѣ, благодаря нашему инспектору Н. Е. Артюхову, который поощрялъ чтеніе вообще и Гоголя въ особенности, разрѣшая брать его даже въ отъѣздъ и наставляя, что́ за чѣмъ читать и какъ читать. Не желая оставаться передъ нами въ долгу, Николай Прохоровичъ бралъ насъ съ собою въ походъ въ теплое время въ с. Чермошанское, гдѣ жила семья близкихъ знакомыхъ: онъ училъ насъ въ манежѣ верховой ѣздѣ, которую мы съ Костей очень любили.

Я по своей юркости и природной пытливости совался во всякое дѣло: былъ у Николая Прохоровича за переписчика по канцелярской части, составлялъ по его указанію рапорты и даже какіе-то «арматурные списки» на команду и разсчетъ довольствія. Дарья Ивановна охотно позволяла мнѣ замѣнять ее за самоваромъ, когда отвлекалась къ гостямъ или въ кухню, и, признавая за мною нѣкоторыя знанія хозяйственныя, особенно — по огороду, къ чему я питалъ приверженность еще у своей матери на Черноморьѣ, Дарья Ивановна снисходила даже до совѣщаній со мною по этой части. Словомъ — я сталъ не только желаннымъ гостемъ, но и незамѣнимымъ членомъ семьи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ оказывать на Костю своею подвижностью и затѣями въ кругу сверстниковъ нѣкоторое воздѣйствіе. Неувѣренный въ себѣ и робкій, онъ сторонился ото всего, что могло вызвать его изъ привычной колеи, передѣлки задачъ, копанья въ учебникахъ, переписыванья замѣтокъ. Чтеніе, верховая ѣзда и лежаніе на диванѣ были его

любимыми занятіями; къ выходамъ и новымъ знакомствамъ со сверстниками относился онъ безразлично, но не уклонялся совсѣмъ, и то, видимо, ради меня и изъ желанія не перечить отцу.

Кромѣ насъ, въ Липцахъ у помѣщика Григороссуло было два сына, одинъ нашъ одноклассникъ, а другой только готовившійся въ гимназію, и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая кончила частный пансіонъ, а другая еще училась и была въ среднемъ классѣ. И братъ, и сестра, слѣдуя примѣру Жандака, стали приглашать къ себѣ своихъ друзей: онъ—гимназиста, она—пансіонерку. Завязалось между нами знакомство, скрѣпляемое однимъ интересомъ — повеселиться, поплясать подъ фортепьяно и даже попѣть.

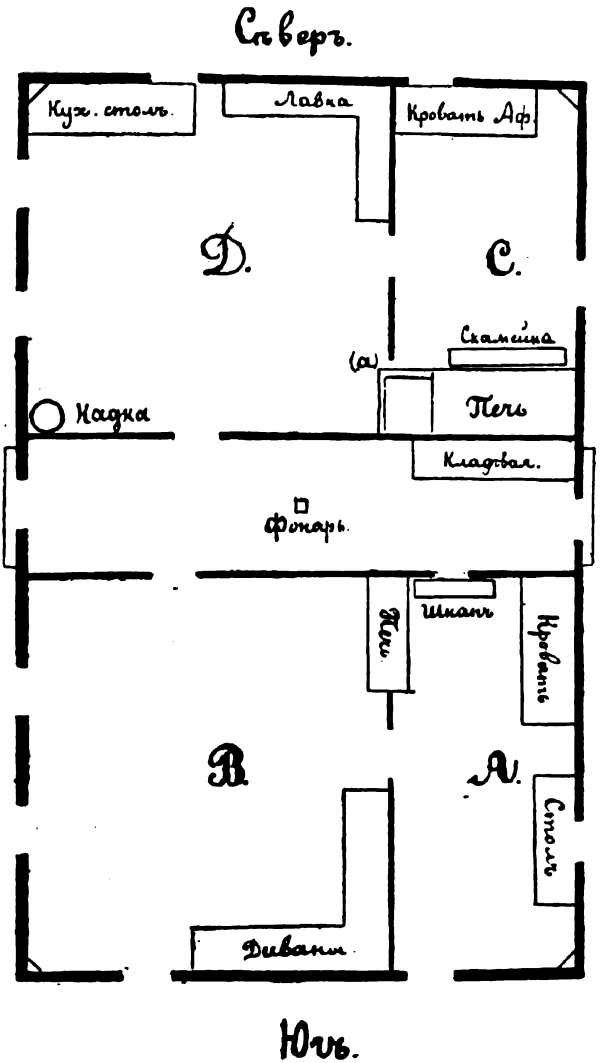
Наступаетъ вакантное время, собираются птенцы — и затѣямъ нѣтъ конца: пляскъ, игры, катанья, домашніе маскарады и даже спектакли. Липцы оживаютъ. Затѣи молодежи привлекаютъ и стариковъ; выѣзды другъ къ другу становятся чаще, сосѣдскія отношенія выравниваются. Такъ зажили Липцы, возбуждая любопытство болѣе отдаленныхъ сосѣдей, которые, будучи приглашаемы въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, на вечеринку со спектаклемъ, отвѣчали со своей стороны приглашеніями и изощрялись въ доставленіи намъ, виновникамъ затѣй, всякаго рода развлеченій, въ родѣ катанья на лодкахъ по пруду, ловли рыбы сѣтями, хороводовъ и т. п.

Въ новую квартиру (по счету вторую) Николай Прохоровичъ перешелъ позднею осенью 1851 года. Она была на главной же улицѣ, почти напротивъ прежней квартиры. У выселившагося изъ слободы дворника—курянина общество купило планъ и на мѣстѣ развалившейся избы поставило новую срубленную клѣть сравнительно съ другими гораздо большихъ размѣровъ, съ большими окнами

и высокими потолками. Изба была общаго типа: имѣла двѣ половины, раздѣлявшіяся сквозными сѣнями съ выходами на улицу и во дворъ; сѣни безъ потолка освѣщались большимъ фонаремъ, привѣшеннымъ къ одной изъ поперечныхъ балокъ посрединѣ сѣней. Ближе къ выходу во дворъ, въ сторону людской, стояла въ сѣняхъ кладовая. Южная часть дома, вправо отъ входа съ улицы, составляла господскую половину, сѣверная — людскую. Обѣ половины избы были раздѣлены дощатыми перегородками и въ каждой половинѣ образовалось, такимъ образомъ, по двѣ комнаты, со входа изъ сѣней—большія, а вторыя — меньшія. Въ большой комнатѣ господской половины была пріемная и столовая; здѣсь же мы съ Костей и спали на двухъ диванахъ, стоявшихъ въ углу образуемомъ перегородкой и южной стѣною. Въ меньшей комнатѣ была спальня стариковъ, изъ которой ходъ въ сѣни на зиму закрывался буфетнымъ шкафомъ. Изразцовая печка топкою выходила въ спальню.

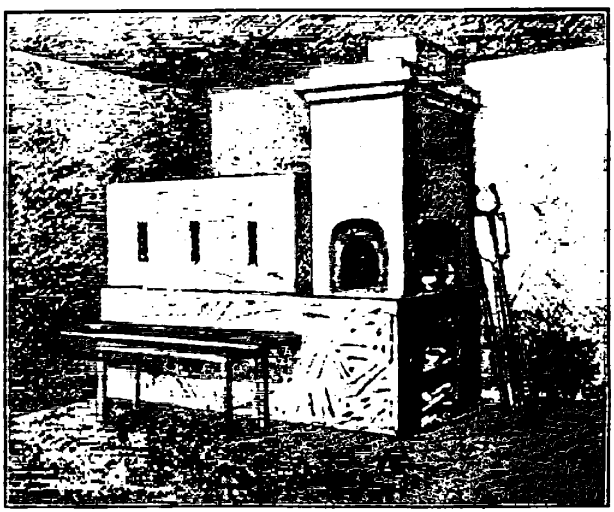
Въ людской половинѣ по стѣнамъ на улицу, во дворъ и по перегородкѣ стояли «лавки» (деревянныя скамьи), въ углу со входа — кадка съ водою, далѣе по лицевой стѣнѣ два окна на улицу и здѣсь же въ углу кухонный столъ, а надъ нимъ вверху образъ, писанный на деревянной доскѣ, безъ кіота. Въ кухнѣ спалъ денщикъ Василій Кораблевъ. За перегородкою, слѣва подъ окномъ по сѣверной сторонѣ, стояла кровать для Афимьи съ ребенкомъ, котораго, какъ оказалось по слѣдствію, она прижила съ Кораблевымъ. Далѣе, вправо отъ окна на востокъ, въ уголъ, образуемый наружною стѣною и стѣною по сѣнямъ, *упиралась печь*, въ которой пекли хлѣбы, готовили обѣдъ («варистая»), и на которой въ холода спала Афимья; здѣсь же просушивалась часто разная кухонная посуда. Лицевой своею частью, топкою съ коробомъ, выводящимъ дымъ

План квартиры капитана Жандаченки.

А. Спальня стариковъ. В. Пріемная. С. Комната за перегородкой. Д. Кухня. а) Просвѣтъ между печкой и перегородкой.

въ боровъ и затѣмъ въ дымовую трубу, печь выступала на $^1/_2$ арш. изъ-за перегородки въ кухню. Устье печки закрывалось чугунною дверкою, которая на время топки отставлялась въ сторону. (См. планъ квартиры и рисунокъ печи). Плиты въ домѣ не было. Деревянная перегородка не доходила до печи и оставляла, такимъ обра-

Варистая печь.

зомъ, между собою и печью продольный отъ полу до потолка *просѣтъ* шириною вершковъ въ пять. Господская печка («грубка») топилась дровами, кухонная печь — соломою и «кизякомъ» [1]).

Въ Рождество, по пріѣздѣ нашемъ изъ Харькова, шумно было отпраздновано новоселье. 7-го января 1852 года

[1]) Овечій или коровій пометъ, смѣшанный съ соломою, раскатывается въ пластъ, просушивается и рѣжется квадратами вершковъ въ шесть.

уѣзжали мы въ пансіонъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ относительныхъ удобствъ, которыя давала намъ новая квартира, не предвидя, конечно, того, что здѣсь то именно грозило семьѣ принять на себя всю тяжесть необычайнаго происшествія съ его послѣдствіями, которое по своей сверхъестественности слыло въ народѣ подъ именемъ «Божьяго попущенія». Это происшествіе въ свое время надѣлало много хлопотъ мѣстнымъ и губернскимъ властямъ, заинтересовало мѣстнаго архіерея Филарета и ученыхъ людей, поставленныхъ загадочностью его вступокъ, и за нераскрытіемъ слѣдствіемъ и судебною властію причинъ и виновниковъ происшествія, подъ именемъ «Дѣло харьковскаго уѣзднаго суда о явленіяхъ, бывшихъ въ квартирѣ начальника липецкой конно-этапной команды капитана Жандаченки, и о пожарѣ, происшедшемъ вслѣдствіе оныхъ 25-го іюля 1853 г. въ слободѣ Липцахъ»,—было «предано волѣ Божіей» и сдано въ архивъ [1]).

Но я въ своихъ воспоминаніяхъ забѣгаю впередъ. Прошелъ мясоѣдъ и великій постъ 1852 г., и Николай Прохоровичъ не навѣстилъ насъ ни разу, тогда какъ прежде обязательно заглядывалъ къ намъ разъ въ мѣсяцъ. Къ Святой взять насъ изъ пансіона также не

[1]) Подлинное «Дѣло» это впослѣдствіи, по уничтоженіи старыхъ дѣлъ архива упраздненнаго Харьковскаго внутренняго гарнизоннаго батальона, попало въ руки торговца старой бумагою, отъ котораго было пріобрѣтено членомъ Харьковскаго окружнаго суда *Власовскимъ*, перешло отъ него къ *Л. Ѳ. Тилену* и этимъ послѣднимъ передано *А. Н. Аксакову*. «Желая сохранить для будущаго времени этотъ драгоцѣнный для исторіи русскаго спиритизма документъ», говоритъ г. Аксаковъ, «я принесъ его въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ». Тамъ оно и хранится нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки, въ отдѣлѣ русскихъ рукописей, подъ знакомъ F. II. № 221. (См. «Ребусъ» 1896, стр. 149).

явился; съ письмомъ къ инспектору объ нашемъ отпускѣ прибылъ солдатикъ Водопьяновъ, одинъ изъ старыхъ служакъ въ командѣ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Николая Прохоровича и бывшій у насъ за кучера. Дорогою мы разговорились.

— Водопьяновъ! скажи, отчего капитанъ ни разу не навѣстилъ насъ за все это время, что за важныя такія дѣла у васъ дѣлались? спрашивалъ я.

— Да, и дѣла были, отвѣчалъ онъ неохотно.

— Что же за-дѣла? смотра что-ли ждете? настаивалъ я.

— Барыня сильно хворали; вотъ другая недѣля, какъ встамши... Теперь, слава Богу!.... уже около пасокъ ходятъ.

— Я тебѣ говорилъ, что дома у насъ неблагополучно. Я это чувствовалъ, замѣтилъ Костя раздумчиво.

— Ну, а дѣла-то какія же были? приставалъ я. Водопьяновъ мялся и молчалъ.

— Да ну, чего тамъ, братецъ, сказывай! не бойся, не выдадимъ! настаивалъ я.

Послѣ долгихъ моихъ приставаній Водопьяновъ наконецъ рѣшился.

— Капитанъ строго-на-строго приказали про эти дѣла не разговаривать, чтобъ молвы не сдѣлать, началъ онъ опасливо. Вздую, говоритъ, того, кто болтать будетъ... а народъ толкуетъ.... пронюхали и толкуютъ... какой такой секретъ, говорятъ... у Саламахи, мужика Григорія, такое же было... повыше насъ жилъ; послѣдняя хата по той линіи, гдѣ старая квартира была, на околицѣ, что теперь раззоренная... такъ у него, какъ и у насъ, было. Кончится, дастъ передышку и опять.... передыхнетъ и снова. Такъ въ два года извело бѣднаго, что бросилъ хату и дворъ; пусть, говоритъ, все пропадаетъ, и вышелъ изъ слободы на хуторъ. Все равно, говоритъ, «онъ» раззоритъ: бьетъ и бросаетъ, бьетъ чѣмъ ни попало,

бросаетъ что ни подвернется. По первахъ и на хуторѣ проявился, даже палить зачалъ—утушили; съ тѣхъ поръ «не посѣщаетъ»... Отошелъ человѣкъ!... Въ народѣ толкуютъ, что и наши дѣла не въ послѣднее... Богъ его знаетъ!.

— Да скажи, Водопьяновъ, толкомъ, что же у насъ-то было, настаивалъ я, видя, что Костя смущенъ и уставился въ сторону.

— Спросите у капитана; намъ невозможно!... отрѣзалъ онъ. На томъ дѣло и кончилось; но я порѣшилъ, что при первомъ удобномъ случаѣ добьюсь толку отъ Николая Прохоровича.

Дарью Ивановну нашли мы страшно похудѣвшею и болѣе, чѣмъ прежде, молчаливою. Николай Прохоровичъ также похудѣлъ и осунулся, сталъ не то сосредоточеннѣе, не то тревожнѣе. На вопросы: отчего мать заболѣла, онъ такъ же, какъ и Дарья Ивановна, отвѣчалъ, что отъ простуды, такъ и фельдшеръ увѣрялъ. Видимо, что въ домѣ случилось совсѣмъ ужъ что то неладное, что желали отъ насъ скрыть, если Николай Прохоровичъ на всѣ мои подходы не поддавался.

— Напрасно ты добиваешься, все равно отецъ не скажетъ, разъ онъ порѣшилъ, что дѣло надо прикрыть, да и народъ, можетъ, вздоръ толкуетъ, брось... замѣтилъ Костя. Меня удивило это замѣчаніе, какъ и вообще удивляло его индифферентное отношеніе къ тому, что мы услыхали отъ Водопьянова.

— Нѣтъ, я буду пробовать, возразилъ я.

— Пробуй,—недовольно отвѣтилъ Костя.

За день до нашего отъѣзда, когда Дарья Ивановна была у вечерни, я прямо обратился къ Николаю Прохоровичу и выпалилъ, что по той перемѣнѣ, какая произошла съ вими, намъ ясно, что въ домѣ что-то случилось и что Костѣ, да и мнѣ очень тяжело уѣзжать, не

зная, что было и чего можно ожидать впереди. Намекъ былъ ясенъ, что до насъ дошло что-то.

— Пойдемъ за околицу, погуляемъ, вечеръ теплый, еще разъ увильнулъ онъ. Пошли; все время молчали. За околицей, у первой вѣтрянки, Николай Прохоровичъ предложилъ передохнуть. И тутъ-то, подъ условіемъ, что мы не будемъ болтать зря и что виду не покажемъ матери,—такъ какъ случай, про который сейчасъ узнаемъ, дѣло серьезное, и даже теперь одно воспоминаніе о немъ сильно ее разстраиваетъ,—онъ передалъ намъ все, что мы слышали уже отъ Водопьянова о Саламахѣ. но въ подробностяхъ и въ примѣненіи къ нашему дому.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ проводили насъ въ гимназію послѣ Крещенья (въ январѣ 1852 г.), случилось у насъ на новой квартирѣ, именно въ кухнѣ, гдѣ обитали денщикъ Кораблевъ и Афимья, что-то весьма загадочное. Ночью, когда уже все спало въ домѣ, послышался сильный стукъ кухонной двери, возгласъ Афимьи и плачъ ребенка. Дарья Ивановна первая проснулась съ испугу и подняла на ноги Николая Прохоровича. Онъ зажигаетъ свѣчу и черезъ двери въ сѣни спрашиваетъ: — «Что случилось»? Кораблевъ испуганнымъ голосомъ докладываетъ: — «У насъ, ваше благородіе, въ кухнѣ неблагополучно» и, впущенный въ пріемную, добавляетъ: «въ кухнѣ бросаетъ кто-то камни и полѣнья» .. Успокоивъ жену, Николай Прохоровичъ пошелъ въ кухню и изъ разспросовъ у денщика и Афимьи узналъ, что первымъ проснулся Кораблевъ, услышавъ сквозь сонъ страшный стукъ брошенной вещи. Окликнувъ Афимью и не получивъ отъ нея отвѣта, онъ вздулъ огня, пошелъ разбудить ее и, на силу растолкавъ ее, убѣдился, что не она дуритъ. Въ то время, когда они за перегородкою разговаривали, раздался въ кухнѣ новый стукъ

въ двери. Когда они бросились въ кухню, то увидали на лавкѣ и подлѣ, на полу, разбитую глиняную чашку, которая послѣ ужина была вымыта и поставлена на печь для просушки, а у дверей въ сѣни лежало полѣно, одно изъ тѣхъ, что были приготовлены для завтрашней топки господской печки и лежали на кухнѣ, на полу у печи. Тутъ они оробѣли. Афимья испугалась и «въ плачъ», а онъ «выбѣгъ» доложить. Стали обыскивать за перегородкою, подъ кроватью и на печи, и въ кухнѣ—ничего; болты въ окнахъ оказались заложенными. Оставивъ ихъ обоихъ въ кухнѣ при себѣ и на глазахъ, Николай Прохоровичъ и Дарья Ивановна, которая явилась въ кухню вслѣдъ за мужемъ и вслушивалась въ докладъ денщика, стали наблюдать за комнатою, что за перегородкою, и за печью, въ особенности же за прислугою, которая сразу была взята ими въ подозрѣніе въ дѣлѣ такъ нежданно объявившихся ночныхъ продѣлокъ. Вскорѣ предъ глазами хозяевъ изъ растворенной двери перегородки и по направленію къ нимъ и быстро пронесся какой-то предметъ, въ видѣ темнаго комка, и въ то же мгновеніе упалъ къ ихъ ногамъ со звономъ жестяной посуды. Оказалось, что это жестяная кружка, которую Афимья ставила на ночь съ водою у своей постели, на окнѣ, гдѣ ее и видѣли при осмотрѣ комнаты за полчаса предъ этимъ. Зажгли фонарь въ сѣняхъ, прибавили свѣту въ кухнѣ. Господа сидѣли на лавкѣ у стола, къ улицѣ, Афимья по другую сторону стола, въ углу перегородки, укладывала дѣвочку на постель денщика, Кораблевъ стоялъ у дверей въ сѣни. Черезъ большой промежутокъ времени Николай Прохоровичъ ясно увидѣлъ, что черезъ *просвѣтъ* между перегородкою и печью (а), сверху внизъ, мелькнуло темное пятно—и въ то же мгновеніе Кораблевъ испуганно вскрикнулъ отъ удара въ правое плечо. Ударъ

*

нанесенъ былъ кускомъ сухой глины, которая сберегалась подъ кроватью Афимьей для мазки печи. Затѣмъ все затихло. Господа и прислуга дежурили далеко за полночь и заснули только подъ утро.

На другой день съ утра было тихо. Кораблевъ былъ отправленъ въ команду къ лошадямъ вмѣсто Водопьянова, а сему послѣднему приказано было замѣнить въ домѣ денщика. Явился Водопьяновъ и получилъ инструкціи. Афимья возилась у печи, Водопьяновъ больше занятъ былъ наблюденіями надъ нею, дверью за перегородку и *просвѣтомъ* (а). Въ господской половинѣ услыхали стукъ. Николай Прохоровичъ въ кухню. Смущенный Водопьяновъ доложилъ, что «въ него бросило» глинянымъ кувшиномъ, который едва «не врѣзался» ему въ голову, попалъ въ стѣну къ улицѣ и разбился въ мелкіе куски въ то время, какъ Афимья, пригнувшись къ печи, приставляла варево къ огню. Онъ явственно видѣлъ, что кувшинъ мелькнулъ отъ печи сверху черезъ *просвѣтъ*... Покончивъ наскоро съ обѣдомъ, во время приготовленія котораго, въ присутствіи Николая Прохоровича и Водопьянова Дарья Ивановна получила въ правую руку сильный ударъ тарелкою, которая съ чѣмъ-то стояла до этого на печи и полетъ которой былъ пропущенъ и Николаемъ Прохоровичемъ и Водопьяновымъ (она свалилась какъ бы сверху, совсѣмъ неожиданно для всѣхъ), Дарья Ивановна ушла испуганная на свою половину, гдѣ въ это время Афимья мыла полы; она не была въ кухнѣ, когда Дарью Ивановну ушибло тарелкою. Затѣмъ затишье на весь день; вечеромъ также.

Около 10 ч., когда Водопьяновъ и Афимья ужинали, кусокъ булыжника, котораго не было въ домѣ и полетъ котораго Водопьяновъ «прозѣвалъ», — «ударился» въ стѣну къ улицѣ и свалился на лавку. Явился «ноч-

ной», съ которымъ Водопьяновъ чередовался, держа наблюдательный постъ.

Но въ теченіе ночи все было тихо. Раннее утро третьяго дня также. Встали поздно. Дарья Ивановна, по обыкновенію, оправила свою постель сама: это было ея правило; къ этому порядку, приготовить и убрать свою постель, были пріучены и мы съ Костею. Воду для умыванія и самоваръ подалъ Водопьяновъ. Печка обыкновенно затапливалась позже и потому изъ кухни никто, кромѣ Водопьянова, не выходилъ. Къ концу чая старики обратили вниманіе на смрадъ, отдававшій горѣлою шерстью или перьями. Самоваръ прикрыли наглухо; между тѣмъ смрадъ все усиливался, и какъ будто тянуло изъ спальной. Николай Прохоровичъ идетъ туда, обыскиваетъ; нигдѣ — ничего. Онъ закидываетъ одѣяло, прикрывавшее постель, смрадъ сильнѣе, показался дымокъ. Срываетъ одѣяло, простыню, подушки на полъ, дымъ и смрадъ усиливаются... поднимаетъ пуховикъ — и глазамъ не вѣритъ: на нижнемъ матрацѣ, набитомъ соломою, горсть горящаго угля... нижній матрацъ прогорѣлъ, тлѣла подстилка деревянной кровати; въ пуховикѣ также обгорѣвшее мѣсто. Старикъ потерялся. Дарья Ивановна, не смотря на страшный испугъ, нашлась, схватила съ чайнаго стола кувшинъ съ водой и затушила уголь. Послѣ оказалось, что это былъ *каменный* уголь, котораго ни въ домѣ, ни у кого другого въ слободѣ, и нигдѣ, кромѣ кузницы, не было. Этимъ покушеніемъ на поджогъ закончились январскія загадочныя явленія 1852 г. въ квартирѣ капитана Жандака.

Напряженное состояніе въ теченіе трехъ дней, когда обнаружились и длились эти загадочныя явленія, а въ особенности покушеніе на поджогъ постели при невѣроятной обстановкѣ, подкосили живучесть и здоровье

Дарьи Ивановны и были настоящею причиною ея болѣзни, отъ которой она едва оправилась къ Святой. Желая избѣжать непріятностей и безплодной «волокиты»,— что было бы неизбѣжно, если бы въ это дѣло вмѣшать полицію и властей, — Николай Прохоровичъ рѣшилъ потушить это дѣло, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ данныхъ подозрѣвать кого-бы то ни было, не исключая и прислуги; такъ все было сверхъестественно и непостижимо. А такъ какъ Николай Прохоровичъ съ своей стороны не давалъ оффиціальнаго повода къ начатію «дознанія» о происшествіи, то дѣла о немъ и не возникало [1]). О немъ судили, рядили въ кругу близкихъ людей, не мало толковали и въ народѣ, не смотря на угрозу «не дѣлать молвы»; но все успокоилось, и происшествіе мало по малу стало забываться.

Въ январѣ 1853 года лежалъ глубокій снѣгъ; крещенскіе морозы доходили до 28°. Оставалось два-три дня до нашего отъѣзда въ гимназію. Хотя мы были въ 5-мъ классѣ и, напримѣръ, мнѣ шелъ уже 16-й годъ, но выѣзжали мы изъ дому всегда неохотно и, какъ малыши, кисли. Спалось какъ-то тревожно. 5-го января утромъ, около 8 часовъ, когда мы еще спали, раздался звонъ разбитаго стекла.

Я вздрогнулъ и разомъ проснулся. Засуетились, забѣгали; кухонная дверь то открывалась, то захлопывалась спѣшно; слышался сдержанный разговоръ въ сѣ-

---

[1]) Потомъ, черезъ годъ, когда *эти явленія повторились*, капитанъ Жандакъ, донося о происшествіи, упоминалъ, что однородныя съ сими явленіями обнаружились было въ его квартирѣ ранѣе, еще въ январѣ 1852 г., но такъ какъ объ этомъ заявлено было вскользь, то заявленіе это и *не было предметомъ изслѣдованія* въ 1853 году (см. «Дѣло» док. № 4).

няхъ. Въ то же время въ спальнѣ стариковъ Дарья Ивановна испуганно заговорила, видимо, втолковывая что-то сонному Николаю Прохоровичу. Наконецъ, наскоро одѣтая, она идетъ въ кухню и черезъ нѣсколько минутъ возвращается.

— Что случилось? спрашиваю.

— Опять начинается!... упавшимъ голосомъ отвѣтила она и скрылась въ спальню. Не трудно было догадаться, что́ «начинается»... Надо признаться, что подъ впечатлѣніемъ народныхъ толковъ мы не думали, чтобъ явленія подобнаго рода, какъ январскія 1852 г., однимъ разомъ окончились; каждый изъ насъ молча, но съ тревогою ожидалъ сперва полугодовщины, а послѣ и годовщины явленій, которая вотъ-вотъ приближалась. Скоро Николай Прохоровичъ и я были на ногахъ и совсѣмъ одѣтые. Костя также одѣлся и ушелъ въ спальню къ матери, разсчитывая своимъ присутствіемъ отвлечь ее отъ тяжелыхъ мыслей. А мы — въ сѣни и кухню. Фонарь висѣлъ на своемъ мѣстѣ, но съ разбитыми стеклами, которыя валялись подъ нимъ на полу; тутъ же, у стѣны, къ двери на господскую половину, лежалъ булыжникъ, величиною съ гусиное яйцо (въ домѣ, да и во дворѣ булыжника не было). Судя по тому, что изъ четырехъ стеколъ фонаря разбиты были два противоположныя, изъ которыхъ одно обращено было къ кухнѣ, а другое—къ господской половинѣ (третье стекло было надтреснуто) и что камень лежалъ у господскихъ дверей, нужно было думать, что булыжникъ направлялся со стороны кухни. Появившійся со двора Кораблевъ объяснилъ, что, отворивъ ставни на своей половинѣ и возвращаясь въ кухню, онъ закрылъ двери во дворъ. Афимья молилась Богу, а онъ сталъ умываться. «Вдругъ — «брязгъ» въ сѣняхъ! Бѣгу... отворяю снова дверь во дворъ; вышла и Афимья;

видимъ—фонарь разбитъ». Едва мы вошли въ кухню и Кораблевъ успѣлъ закрыть за нами дверь, какъ что-то явственно мелькнуло изъ *просѣта* (между столбомъ перегородки и печью) и раздался стукъ о скамью подъ окнами на улицу. Повернувшись на стукъ, мы увидали на скамьѣ глину и тутъ же на полу кусокъ кирпича, бывшаго въ дѣлѣ, такъ какъ онъ имѣлъ на себѣ смазку изъ глины. Это была почти $^1/_3$ часть кирпича. Что кирпичъ показался изъ *просѣта* и какъ-бы отдѣлился *отъ потолка*, не подлежало сомнѣнію: эта часть кухни была предметомъ нашихъ наблюденій съ минуты входа и была хорошо освѣщена отъ окна за перегородкою, черезъ *дверь* и *просѣтъ*, и двумя окнами съ улицы (окно въ кухнѣ на сѣверъ и окно на сѣверъ за перегородкою, по случаю холода, были закрыты ставнями). Въ моментъ появленія кирпича Афимья возилась надъ самоваромъ, продувая его, и оставалась равнодушною ко всему окружавшему ее. Кромѣ двухъ прислугъ и насъ двухъ, никого въ кухнѣ не было. Я былъ въ возбужденномъ состояніи; видѣть явленіе и не понимать причины его, не знать, отъ чего брошенный предметъ получаетъ движеніе!... нелѣпое, комичное положеніе!... и въ то же время не безопасное... Но объ опасности въ то время меньше всего думалось; вся сила мышленія напрягалась и направлена была на то, чтобы раскрыть, разгадать фокусъ... да, фокусъ, думали многіе... и въ связи съ этимъ припоминались разсказъ объ арестантѣ, который жестоко наказанъ былъ капитаномъ за пьянство въ камерѣ, и его слова: «Будешь ты долго помнить меня»... открыто погрозилъ онъ въ присутствіи конвойнаго, лежа въ телѣгѣ и обращаясь въ сторону дома, когда партія, направляясь на сѣверъ, по обыкновенію остановилась передъ квартирою капитана и когда тотъ самъ выхо-

дилъ на улицу для провѣрки партіи и проглотилъ угрозу... Скорѣе фокусъ, чѣмъ «домовой»! Не станетъ же «онъ» преслѣдовать и изводить человѣка «молча», «въ глухую»!... Въ кухнѣ только печка была кирпичная, поэтому я занялся осмотромъ печи, а Николай Прохоровичъ тщательнымъ осмотромъ комнаты Афимьи. Наружная сторона печи была безъ изъяна. Поднявшись на скамью, съ которой влѣзали на *площадку* печи, ограниченную съ двухъ сторонъ стѣнами подъ угломъ, а съ третьей — *коробомъ*, отводящимъ дымъ (*«колунъ»*), я былъ изумленъ... зову Николая Прохоровича и мы видимъ, что средина печной площадки вся, глубоко, до самыхъ сводовъ печи взрыта, кирпичи цѣлые и битые выворочены, лежатъ въ безпорядкѣ и смѣшаны съ кучками глиняной смазки; по краямъ этой впадины, со всѣхъ сторонъ, *явственные слѣды крѣпкихъ когтей*... брошенный въ насъ кусокъ кирпича взятъ былъ отсюда... На вопросъ Николая Прохоровича: кто разбуравилъ печь, Афимья отвѣчала со вздохомъ: «Богъ ёго знае!»... А Кораблевъ объяснилъ, что съ вечера посуду на печь ставилъ онъ, но не видно было, чтобы печь была попорчена. Сегодня еще на печь не лазили: не было дѣла. «А сквозь сонъ слышалъ», прибавилъ онъ виновато, «точно дюже скребло; думалъ, кошка въ двери просится... Спчасъ припомнилъ, какъ увидѣлъ это дѣло... оченно фонаремъ смутило», вздохнулъ онъ.

Пошли на свою половину. Дарья Ивановна спокойно разговаривала съ Костею, и сама начала сообщать ему о прошлогодней исторіи, какъ «онъ» буйствовалъ, причемъ, обращаясь ко мнѣ и Николаю Прохоровичу, выразила увѣренность, что и теперь будетъ бунтовать нѣсколько дней, пока не успокоится... Николай Прохоровичъ, видя, что жена интересуется подробностями

открытія на печи, спокойно и покорно относится къ новой «напасти», и самъ повеселѣлъ. Подали самоваръ. Съ цѣлью ослабить впечатлѣніе сегодняшняго утра и отвлечь мысли Дарьи Ивановны въ сторону, я выпаливаю:

— Мамаша! а обѣщанные на сегодня пирожки съ капустою и яйцами будутъ?

— Будутъ, если ты пойдешь со мною на кухню, улыбаясь отвѣтила она.

— Конечно, пойдетъ... чего тамъ, пусть себѣ... замѣтилъ Костя и умолкъ.

Явилась Афимья и позвала барыню въ кухню. Вскорѣ и мы съ Костею отправились туда же. Молча осмотрѣлъ онъ печь и ушелъ къ отцу.

У стола, спиною къ выходной двери, стояла Дарья Ивановна, приготовляя фаршъ; на той сторонѣ стола, что къ перегородкѣ, Афимья дѣлала тѣсто. Я помѣстился на лавкѣ подъ окнами на улицу, возлѣ Дарьи Ивановны, курилъ и балагурилъ, поглядывая за перегородку, въ окно и за печь, и припомнная полетъ кирпича утромъ. Вдругъ по этому направленію мелькнуло пятно, направляясь прямо мнѣ въ голову; по инстинкту я отклоняюсь въ сторону стола... шумъ мимо уха и ударъ въ стѣну... быстро вскакиваю и чувствую, что я блѣднѣю и духъ у меня захватываетъ... нагибаюсь... булыжникъ въ кулакъ величиною.

— Господи, помилуй! шепчетъ Дарья Ивановна, обращаясь въ мою сторону.

— Это мнѣ угощеніе! пробую я шутить и посылаю «ему» соотвѣтственное пожеланіе.

— Не бранн, внушаетъ мнѣ она: уходи отсюда! Не прошло и двадцати минутъ, какъ вскрикиваетъ Дарья Ивановна.

— Посмотри! обращается она ко мнѣ, указывая на столъ.

Вижу на раскатанномъ уже тѣстѣ слой золы, отъ которой еще не осѣла и стоитъ въ воздухѣ легкая пыль. Никто изъ насъ не замѣтилъ, откуда она была брошена, но нужно было думать, что сверху, ибо она осѣла на рукахъ и головѣ у Дарьи Ивановны и Афимьи.

— Ничего, другое тѣсто сдѣлаемъ, а пироговъ не оттягаешь!... шумѣлъ я, и отправился съ докладомъ на свою половину. Здѣсь мы сообща порѣшили о происшествіи заявить становому приставу, котораго къ вечеру ожидали въ становую квартиру. Къ полудню стало тише.

Вечеромъ явился становой и нѣсколько близкихъ знакомыхъ. Смущались, разспрашивали, осматривали печь и стали свидѣтелями влетанія въ кухню, изъ-за перегородки, ложки, куска дерева и т. п. Становой предложилъ въ видѣ охраны и для наблюденія сдѣлать нарядъ людей отъ волости, которые завяли бы постъ въ кухнѣ; а въ сѣняхъ и снаружи дома совѣтовалъ капитану изъ своихъ нижнихъ чиновъ установить наружный постъ. Въ этомъ смыслѣ и были посланы распоряженія.

Съ утра слѣдующаго дня посты заняли свои мѣста. Въ этотъ день я и Костя были пробуждены страннымъ случаемъ. Прикосновеніе къ головѣ и лицу чего-то холоднаго, падавшаго сверху, разбудило насъ. «Ты спишь, Костя?» вскрикиваю я. — Что это холодное падаетъ на голову?—такъ же громко переспрашиваетъ онъ. Этотъ говоръ разбудилъ Дарью Ивановну, которая вошла къ намъ въ пріемную, вынула защепки изъ оконныхъ болтовъ и вышла въ кухню приказать Кораблеву, чтобъ открывалъ наружныя ставни, запиравшіяся болтами, проведенными внутрь дома. Такимъ способомъ, обыкно-

венно, будила насъ мать по утрамъ. На этотъ разъ ее упредилъ казусъ, о которомъ я упомянулъ. Когда ставни были открыты, мы оба были глубоко возмущены: въ волосахъ, на подушкѣ, на одѣялѣ, у меня и у Кости, былъ мокрый, холодный песокъ. Пришлось раньше времени встать и чиститься. День прошелъ въ пріемахъ знакомыхъ, въ разспросахъ, объясненіяхъ. Бросало кое-что изъ кухонной посуды и наводило смущеніе и страхъ на мужиковъ, державшихъ въ кухнѣ наблюдательный постъ, но бросало рѣже. Обѣдъ намъ готовила Афимья съ Кораблевымъ у сосѣдей, откуда и подавали, унося потомъ за собою и посуду и все остальное, ножи, вилки и т. п. Служилъ, вмѣсто нихъ, Водопьяновъ, который съ мужиками-сторожами занималъ кухню.

Послѣдними въ этотъ день пріѣхали навѣстить насъ одна изъ нашихъ знакомыхъ барыня съ сестрою, барышнею. Проводить ихъ на «*мѣсто дѣйствія*» взялись я и Николай Прохоровичъ. При уходѣ Дарья Ивановна шепнула мнѣ взять со стола стеариновую свѣчку, такъ какъ въ кухнѣ не достаточно было свѣтло. Пошли; я со свѣчею — впереди, за мною гости, Николай Прохоровичъ—въ арріергардѣ. Въ кухнѣ были *одни мужики*. Осмотрѣли печь, осколки битой посуды, разбитыя стекла въ одномъ изъ оконъ. Барыни были неробкаго десятка— шутили, я не отставалъ.

— Дарья Ивановна, обратился я къ гостямъ, совѣтовала мнѣ взять съ собою *страстную свѣчу* [1]), чтобы оградить васъ во время осмотра; но оказывается, что и стеариновая дѣйствуетъ: какъ видите, все тихо...

---

[1]) «Страсти» — вечернее богослуженіе въ четвергъ послѣдней недѣли Великаго поста, съ возженіемъ свѣчей, которыя сохраняются, по повѣрью, для огражденія отъ всего нечистаго.

— Не дури! съ улыбкою, но укоризненно замѣтилъ мнѣ Николай Прохоровичъ. Барыни засмѣялись и пошли изъ кухни, но уже въ обратномъ порядкѣ: я оставался въ хвостѣ. Мужики стали усаживаться на лавкѣ, у кадки съ водою. Едва я занесъ ногу черезъ порогъ и протянулъ лѣвую руку къ двери, чтобы взяться за край и притворить ее за собою, какъ почувствовалъ сильный ударъ въ лѣвую лопатку, вскрикнулъ отъ неожиданности и боли и пригнулся къ порогу, котораго не успѣлъ переступить... Николай Прохоровичъ подхватилъ меня, шагнулъ въ кухню, я за нимъ; барыни снова вернулись; снова осмотръ безъ результата. Мужики ничего не примѣтили; кромѣ нихъ, другого никого не было; порядочный кусокъ кирпича въ глинѣ лежалъ у порога, повидимому, взятаго изъ печи... осмотрѣли, даже взвѣсили на рукѣ и бросили въ число прочихъ вещественныхъ доказательствъ...

На 7-е января приглашено было духовенство отслужить молебенъ соборнѣ съ прочтеніемъ «заклинательныхъ молитвъ». Но при этомъ произошло совсѣмъ ужъ что-то невѣроятное. Молебенъ служили въ кухнѣ. Кромѣ трехъ священниковъ съ причтомъ въ кухнѣ помѣстилось нѣсколько прихожанъ, принесшихъ святости (иконы, Евангеліе), насъ четверо (Дарья Ивановна съ Костею у перегородки, Николай Прохоровичъ противъ *просвѣта*, ближе къ устью печки, я — рядомъ, но ближе къ углу), у дверей въ сѣни — сторожа, за порогомъ — прислуга и другіе прихожане. Въ это утро печь топилась для тепла, причемъ кипятилась въ ведерномъ котлѣ вода про случай. Печь была истоплена и устье ея было заставлено чугунной заслонкою. Хотя съ утра и въ моментъ прихода духовенства все было тихо, но всѣ были въ напряженномъ состояніи; опасливо пере-

глядываясь, какъ-бы выжидая событій. События не заставили себя ждать; произошло три случая, скоро, одинъ вслѣдъ за другимъ. Еще въ началѣ молебна священнодѣйствующій замѣтно вздрогнулъ и быстро обернулся въ нашу сторону, въ то же время раздался звонъ мѣднаго котелка со святою іорданскою водою въ рукахъ причетника, стоявшаго сзади близко къ священнику. Причетникъ пугливо мотнулъ котелкомъ въ нашу сторону. Смотримъ, опять булыжникъ... Очевидно, ударивъ священника въ правое плечо и отразившись отъ него, онъ со звономъ упалъ въ котелокъ... Между священниками и причтомъ движеніе... Едва начали «заклинанія», раздался двойной стукъ съ трескомъ въ углу, гдѣ висѣлъ образъ; всѣ глаза направляются туда— и мы видимъ: часть доски, на которой написанъ былъ образъ (около половины его), отдѣляется и падаетъ на столъ вслѣдъ за кирпичемъ, которымъ расщепило доску. Смятеніе общее и полное... Чтеніе прерывается на мгновенье; священнодѣйствующій беретъ упавшій осколокъ иконы, благоговѣйно прислоняетъ его къ церковному образу и опускается на колѣни...всѣ, какъ одинъ человѣкъ, слѣдуютъ его примѣру... между прихожанъ слышатся возгласы: «Господи, спаси! Господи, помилуй!..» Чтеніе молитвъ возобновляется, но голосомъ, сдавленнымъ спазмою, въ которомъ слышатся слезы. Еще не улеглось впечатлѣніе отъ случившагося, какъ появляется изъ печи котелъ съ кипяткомъ... направляясь изъ печи по воздуху, между мною и Николаемъ Прохоровичемъ, и двигаясь стремительно, онъ ударяется о лѣвое бедро Николая Прохоровича съ такою силою, что того отталкиваетъ вправо, а самъ котелъ, отскакивая въ сторону, падаетъ между причтомъ и прихожанами, проливъ воду и наполнивъ переднюю часть кухни па-

ромъ... прихожане оторопѣли... Служеніе кончается торопливо, подымаются святости, и священники съ кропиломъ и святою водою спѣшатъ изъ кухни, а затѣмъ и вовсе изъ дому, гдѣ происходятъ такія необычайныя, сверхъестественныя явленія.

Два дня послѣ этого было тихо. Передохнувъ, на третій день мы уѣхали въ Харьковъ и явились въ пансіонъ съ опозданіемъ, вынужденные объяснить инспектору истинную причину опозданія. Разсказъ о необыкновенномъ случаѣ въ Липцахъ переходилъ отъ одного къ другому, придавая мнѣ и Костѣ Жандаку особый интересъ въ глазахъ не только товарищей, но и учителей. Это обстоятельство удручало Костю до болѣзненности, такъ что, наконецъ, онъ замолчалъ, и любопытные стали обращаться исключительно ко мнѣ. Недѣли черезъ три Николай Прохоровичъ увѣдомилъ насъ о «финалѣ событій»... По отъѣздѣ нашемъ его убѣдили перейти на временную квартиру, оставивъ прежнюю подъ охраною и наблюденіемъ сторожей и часовыхъ, какъ было. Нуждаясь въ отдыхѣ, онъ уступилъ. Въ народѣ въ это время упорно держались два слуха: одинъ, «Це ему пороблено», «*насланo*»; «це ему той арештантъ, що похвалявся»!.. и другой: «То загублены души, умершы безъ покаянія, покою не находять»... Намекъ на давнишній уже слухъ о томъ, что выселившійся дворникъ, продавшій обществу избу съ планомъ для постройки этапному квартиры, зарѣзалъ двухъ монашекъ, зашедшихъ къ нему на ночлегъ, и скрылъ ихъ въ подвалѣ. Стали выжидать, что будетъ дальше. Было ли это личное преслѣдованіе, касающееся капитана Жандака, или же явленія эти были принадлежностью даннаго мѣста? Необходимо было въ виду этихъ соображеній сдѣлать опытъ и наблюсти.

Прошло 8 дней; все было тихо и на временной, и на оставленной квартирахъ. Николай Прохоровичъ ободряется, переходитъ обратно, снова служатъ молебенъ. Еще два дня тихо, только ночью ясно слышали *скорбный человѣческій стонъ на кухнѣ*, что было удостовѣрено и свидѣтельскими показаніями прислуги и сторожей во время слѣдствія. Затѣмъ явленія возобновились съ большею силою, чѣмъ прежде: бросанье, битье стеколъ въ окнахъ, которыя поэтому пришлось и съ улицы забить ставнями; опрокидываніе посуды съ зимними запасами въ погребѣ и т. п. Наконецъ, не смотря на охрану и бдительность, 23-го января загорѣлась крыша (съ чердака) и сгорѣла вмѣстѣ съ потолкомъ; отстояли однѣ стѣны.

Капитану Жандаку отвели третью квартиру и въ томъ же порядкѣ, крайній домъ на околицѣ, противъ опустѣвшей избы крестьянина Саламахи. Изба была общаго типа на двѣ половины со сквозными сѣнями; каждая половина была раздѣлена перегородкою на двѣ комнаты съ тѣмъ же количествомъ дверей и оконъ и такъ же расположенныхъ; въ лѣвой съ улицы (сѣверной половинѣ) находилась кухонная печь, только перегородка здѣсь примыкала къ печи вплотную. Поэтому и распредѣленіе комнатъ было такое же, какъ и въ сгорѣвшей квартирѣ.

Впрочемъ, здѣсь было и добавочное жилье—флигель, въ двѣ небольшія комнаты: въ одной помѣстилась канцелярія, другая назначена была намъ для занятій (спали мы съ Костею попрежнему въ п р і е м н о й). Флигель выходилъ окнами на улицу и отдѣлялся отъ дома воротами.

Святую и половину лѣтней вакаціи 1853 года прожили мы благополучно, увѣренные, что съ перемѣною мѣста окончилась жизнь, полная тревогъ, волненій и опасности.

Но не тутъ-то было. Въ срединѣ вакаціи, ровно черезъ полгода со дня пожара, 23-го іюля, во флигелѣ и въ кухнѣ снова обнаружились *прежнія явленія* и того же характера. Во флигелѣ разбрасывались подушки, изъ которыхъ былъ выпущенъ пухъ, разрывались учебники; въ кухнѣ учинялось то же разрушеніе печи *со слѣдами когтей*, началось перелетаніе кухонной утвари и другихъ предметовъ изъ комнаты Афимьи черезъ дверь изъ-за перегородки въ кухню, какъ и въ прежней квартирѣ.

Василія Кораблева съ 11-го іюля 1853 г. замѣнилъ новый денщикъ *Мартынъ Кудерка*. Не могу не отмѣтить *совпаденія* (можетъ быть, совершенно случайнаго) *двухъ обстоятельствъ*: явки *22-го іюля* Василія Кораблева въ Липцы, къ капитану Жандаку за своими вещами, съ *возобновленіемъ явленій* въ новой квартирѣ 23-го іюля!..

Василій Николаевъ Кораблевъ, по его показаніямъ слѣдователю, имѣлъ въ то время 24 года, въ службу вступилъ въ 1850 г., въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, откуда по болѣзни переведенъ въ 1851 г. въ харьковскій гарнизонный батальонъ и въ томъ же году назначенъ денщикомъ къ начальнику Липецкой конно-этапной команды, гдѣ пробылъ до 17-го іюня 1853 г.; съ сего числа по случаю болѣзни поступилъ въ харьковскую больницу; выйдя оттуда 20-го іюля и будучи снова зачисленъ въ батальонъ, съ разрѣшенія батальоннаго командира онъ отправился въ Липцы, въ квартиру капитана взять свои вещи. Получивъ ихъ 24-го, онъ въ тотъ же день съ фельдшеромъ команды, везшимъ больного, уѣхалъ въ Харьковъ.

Съ перваго же дня возобновленія явленій, съ 23-го іюля, становой приставъ, извѣщенный о происшествіи, установилъ, по соглашенію съ капитаномъ Жандакомъ,

тѣ же мѣры предосторожности: въ кухнѣ — сторожей отъ волости, въ сѣняхъ и снаружи дома — часовыхъ отъ команды. Въ самый день своего прибытія сторожа были смущены опрокинувшеюся на глазахъ у нихъ кадкою съ водою, стоявшею въ углу кухни у дверей,—брошеннымъ въ ихъ сторону топоромъ, и другими случаями летающихъ предметовъ.

Отмѣчаю здѣсь обстоятельно, какъ отмѣчалъ и въ январскихъ явленіяхъ 1853 года, тѣ лишь факты, которыхъ я былъ очевидцемъ, касаясь остальныхъ вскользь, поскольку они нужны для ясности моего разсказа. Въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ лишь одно отступленіе—для разсказа капитана Жандака о явленіяхъ въ январѣ 1852 года, но это потому, что разсказъ его отличался обстоятельностью наблюденія и, ручаюсь — безусловно правдивъ. Я вѣрилъ и вѣрю ему, какъ если бы все это я видѣлъ своими глазами. Въ виду того, что капитанъ Жандакъ (не желая подвергать насъ — гимназистовъ порядкамъ «вызова и дачи свидѣтельскихъ показаній») въ донесеніяхъ своихъ о происшествіи по возможности обходилъ тѣ случаи, которые пришлось бы впослѣдствіи подтверждать мнѣ или его сыну,—мои «воспоминанія» являются какъ бы дополненіемъ того матеріала, который былъ собранъ слѣдователемъ по дѣлу «о явленіяхъ въ слободѣ Липцахъ» въ 1853 году.

Тѣ четыре случая, о которыхъ я хочу сказать, однородны съ случаемъ *второго* періода январскихъ явленій (когда мнѣ нанесенъ былъ въ лопатку *ударъ кирпичемъ*) и характеризуются одною общею чертою: *связью ихъ съ мыслями человѣка*, которая рѣзко обнаруживается въ нихъ. Стоитъ поглумиться, высказать какое-либо опасеніе, хотя бы шутя, или только подумать о чемъ-либо, и вамъ отвѣтъ готовъ! Это была своего рода игра «въ загадки»—опасная игра!..

Первый случай. Стоя на колѣняхъ во время утренней молитвы передъ божницею, когда Костя еще не просыпался, а старики въ спальнѣ одѣвались, я обратилъ вниманіе на лежавшія на подоконникѣ *раскрытыя ножницы* и подумалъ: «Ну, какъ онѣ да вонзятся мнѣ въ шею, какъ ножъ Кораблеву [1])»... и прежде чѣмъ положить поклонъ, я невольно всякій разъ передъ этимъ взглядывалъ вправо, въ сторону окна, гдѣ лежали ножницы.

Прошла минута — двѣ; кладу поклонъ, другой, и я ощущаю прикосновеніе къ волосамъ, *къ темени*, чего-то холоднаго... что-то звякнуло... быстро вскидываю голову — и оторопѣлъ: въ половицѣ торчатъ ножницы на остреѣ своей половины. Зову Дарью Ивановну, не поднимаясь съ колѣней. Входятъ оба, Дарья Ивановна и Николай Прохоровичъ, и оба поблѣднѣли, когда взглянули на меня и по направленію моей руки, быстро сообразивъ, въ чемъ дѣло. Онъ тяжело вздыхаетъ, она начинаетъ креститься и шептать молитву...

Второй случай. Сидимъ за чаемъ, и я разсказываю подробности произшедшаго. Подсаживается и Костя, только-что вымывшій руки послѣ помаженія головы и поставившій флаконъ съ макассарскимъ масломъ въ мою шкатулку тутъ же, на столикѣ въ углу.

---

[1]) Во второй періодъ «явленій», вечеромъ, когда въ присутствіи станового пристава изыскивались мѣры предосторожности, случилось *пораженіе денщика Кораблева*. Мыли они съ Афимьей посуду и ножи, складывая все это на столъ, куда положенъ былъ вмѣстѣ съ вилками и ножами большой хлѣбный остроконечный ножъ. Когда они, склонясь надъ лоханью, оканчивали мытье, Кораблевъ почувствовалъ въ затылкѣ острую боль и легкій ударъ въ спину. Вскрикиваетъ... разбѣгаются оба... Афимья видитъ на шеѣ у Кораблева кровь, и начинаетъ кричать. Вбѣжали съ господской половины; у Кораблева оказалась легкая рана на шеѣ, у праваго уха. Кромѣ Кораблева и Афимьи въ кухнѣ никого не было...

*

— Замокъ испорченъ? спрашиваетъ онъ... не запирается... какъ бы масла не скрали, прибавилъ онъ.

— Да, испорченъ, но чтобъ обезпечить тебя на счетъ макассара, шкатулку мы спрячемъ подальше. Куда бы ее? раздумываю я.

— Поставь въ буфетъ, за нижнюю дверку; туда, кромѣ меня, никто не ходитъ, замѣтила Дарья Ивановна.

Я всталъ и у всѣхъ на глазахъ перенесъ шкатулку въ шкафъ.

Лѣтомъ мы пили чай и обѣдали въ комнатѣ стариковъ. Часа черезъ два явился кто-то изъ любопытныхъ. Едва обмѣнялись привѣтствіями, открывается дверь и часовой докладываетъ:

— Ваше благородіе, бросило пузырекъ въ дверь, и духъ пошелъ!.. Всѣ мы трое переглянулись.

Николай Прохоровичъ выходитъ, а за нимъ и мы съ гостемъ. Въ дверяхъ на нашу половину торчитъ стклянка отъ флакона, и отъ нея тянется полосою макассарское масло... Къ шкатулкѣ—шкафъ закрытъ, шкатулка также и на своемъ мѣстѣ, какъ поставлена.

Третій случай. За вечернимъ чаемъ пробовали свѣжее, утромъ сваренное Дарьей Ивановной варенье. Переложивъ его въ банку и подавая ее мнѣ, она проситъ поставить банку въ печку подальше, гдѣ холоднѣе.

— А чтобы оно не пошло вслѣдъ за макассаромъ, смотрите, я затворяю дверку и защелку закладываю на крючекъ, подмигиваю я въ сторону Кости, который очень былъ огорченъ утратою масла.

— Ну-у!.. еще чего-нибудь накаркаешь, хихикая, отозвался Николай Прохоровичъ. Вечеромъ, за ужиномъ, за нашими спинами раздается стукъ и грохотъ по полу. Глянули — банка съ вареньемъ, накренясь въ сторону, быстро вращается кубаремъ... Выскакиваю я изъ-за

стола и схватываю банку руками, затѣмъ, подавая ее Дарьѣ Ивановнѣ, я въ успокоеніе ея начинаю осѣнять банку крестнымъ знаменіемъ...

— Не разъ я говорилъ тебѣ—не балагань!.. укоризненно замѣтилъ мнѣ Николай Прохоровичъ. Взглянули на печку, дверка открыта, но все остальное на своемъ мѣстѣ.

Четвертый случай. На другой день утромъ пошли мы съ Дарьей Ивановной въ погребъ за провизіею. Уходя оттуда, она останавливается и пересчитываетъ кочаны свѣжей капусты, присланные ей кѣмъ-то изъ сосѣдей въ подарокъ, какъ рѣдкость по тому времени. Въ присутствіи кого-то изъ постороннихъ, — пришлось къ слову, — я и пошути, что Дарья Ивановна болѣе опасается за свою свѣжую капусту, чѣмъ мы за макассарское масло, ибо держитъ ее за двумя замками... Спустя нѣкоторое время — стукъ въ дверь... вслѣдъ за этимъ— докладъ часового: «Ваше благородіе, капустою бросило»!.. Всѣ мы обращаемъ глаза въ сторону Дарьи Ивановны; она вспыхнула и потупилась...

— Это не наша! выручаю я ее: это намъ въ награду, что вѣрно бережемъ свою!.. Дарья Ивановна инстинктивно полѣзла въ карманъ за ключами и подаетъ ихъ Николаю Прохоровичу. Ждемъ, заинтересованные результатомъ провѣрки.

— Сколько было? спрашиваетъ онъ, входя къ намъ.

— Пять, отвѣтила Дарья Ивановна увѣренно.

— Четыре, серьезно отрѣзалъ Николай Прохоровичъ, и всѣ мы растерянно глядимъ другъ на друга...

На третій день, 25-го іюля, утромъ раздается голосъ часового: «Крыша загорѣлась снаружи»!.. Скоро сбѣжались свои и сосѣди и затушили. Но около пяти часовъ пополудни, когда вѣтеръ усилился и повернулъ на слободу, снова раздается тревога: «пожаръ»!..

Сразу загорѣлась на домѣ вся крыша, отъ нея примыкавшій къ дому сарай, отсюда бросило на противоположный, и въ нѣсколько минутъ все подворье было въ пламени... и сгорѣло все до-тла... Сгорѣло при этомъ и нѣсколько сосѣднихъ подворій и домовъ. Въ ночь прибылъ исправникъ, и на другой же день начато слѣдствіе о пожарѣ и о «явленіяхъ въ квартирѣ капитана Жандака».

И такъ: 1) «Явленія» въ квартирѣ капитана Жандака сразу признаются сверхъестественными и *обнаруживаются трижды*: въ январѣ 1852 г., потомъ почти черезъ годъ — съ 4-го по 5-е января 1853 г. и ровно черезъ полгода—23 іюля 1853 года, и говоря вообще—при наличности въ домѣ однихъ и тѣхъ же членовъ семьи и того же состава прислуги, кромѣ 1-го періода «явленій», когда я съ Костею былъ въ гимназіи, и 3-го періода—когда новый денщикъ Кудерка (съ 11-го іюля 1853 г.) замѣнилъ прежняго Василія Кораблева, который однако же пріѣзжалъ въ Липцы къ полудню 22-го іюля и въ тотъ же день являлся въ квартиру капитана за своими вещами.

2) Въ «явленіяхъ», съ перваго до послѣдняго, рѣзко обнаруживаются *враждебность и духъ разрушенія*. Наносятся ушибы, даже пораненія [1]), бьется домашняя утварь, портятся запасы и, наконецъ, двумя пожарами истребляются двѣ квартиры и почти все имущество «опальнаго» капитана Жандака.

3) «Явленія» *не могутъ быть пріурочиваемы къ мѣсту*, такъ какъ, обнаружившись въ одной квартирѣ (№ 2), съ

---

[1]) Въ домѣ были помѣчены ушибами — кто въ руку, кто въ бедро, а кто въ лопатку, только Константинъ Жандакъ и Афимья, по счастливой случайности, были забыты и не тронуты вовсе.

истребленіемъ ея, они возобновляются въ другой (№ 3,) куда переходитъ капитанъ Жандакъ. Но ни въ двухъ *временныхъ* квартирахъ (въ промежуткѣ между пожарами), ни въ его собственномъ домѣ, который отдѣлялся отъ квартиры № 2 однимъ лишь пустопорожнимъ планомъ, они не преслѣдуютъ его.

Мало того, въ самой квартирѣ № 2, въ которой первоначально обнаружились «явленія» и которую потомъ отстроили и отвели подъ квартиру станового пристава 2-го стана Харьковскаго уѣзда, спокойствіе хозяевъ ни разу не было нарушено.

Остается развѣ предположить, что «явленія» были *ограничены извѣстнымъ періодомъ времени*, такъ какъ ни въ условіяхъ жизни капитана Жандака, ни въ составѣ его семьи и прислуги (за исключеніемъ замѣны денщика Кораблева, Кудеркою) никакихъ измѣненій и перемѣнъ не произошло. Я попрежнему проводилъ вакантное время въ домѣ капитана Жандака до декабря 1859 года, когда за окончаніемъ университета разстался съ ними, да и затѣмъ по перепискѣ, длившейся до 1865 года, я знаю, что у нихъ въ домѣ и у сосѣдей было все «тихо и благополучно».

Послѣ пожара съ отводомъ квартиры Николаю Прохоровичу вышла непріятная заминка. На сходѣ липецкаго общества большинство категорически заявило, что оно не согласно на отводъ квартиры капитану Жандаку и желаетъ, чтобы возбуждено было ходатайство о переводѣ его, капитана Жандака, въ другое мѣсто въ виду того несчастія, которое преслѣдуетъ его около двухъ лѣтъ, истребляя пожаромъ отводимыя для него квартиры и имущество сосѣдей—обывателей. Въ такомъ смыслѣ и состоялся приговоръ общества. Капитанъ Жандакъ снова

обращается къ обществу съ просьбою, но уже о временной квартирѣ, пока онъ окончательно уладитъ покупку собственнаго дома, такъ какъ онъ твердо рѣшилъ съ враждебною силою бороться до конца и не уходить изъ Липцовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы ему предстояло покончить со службою. Для умиротворенія общества могло служить то обстоятельство, что намѣченный капитаномъ Жандакомъ домъ кирпичный, крытый желѣзомъ, примыкалъ съ одной стороны къ пустопорожнему плану, а съ другой—къ сосѣду своимъ огромнымъ незастроеннымъ дворомъ. Такъ что новый пожаръ могъ принести полное и окончательное разореніе самому хозяину, но не угрожалъ бы сосѣдямъ, ибо задворки выходили прямо въ поле, а лицевая сторона дома — на главную улицу. Тѣмъ не менѣе ходатайство общества получило движеніе. Капитанъ Жандакъ явился къ своему начальству, командиру Харьковскаго гарнизоннаго батальона, полковнику Эренкрейцу, объяснилъ свое критическое положеніе и просилъ его участія, съ упрямствомъ хохла заявляя, что онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ, по его выраженію, биться съ врагомъ на смерть и скорѣе пойдетъ по міру съ сумою, чѣмъ уступитъ «враждебной силѣ»!..

Полковникъ Эренкрейцъ, очень благоволившій къ своему надежному этапному начальнику и уважавшій въ немъ его «гусарскій духъ», успокоилъ его своимъ словомъ, что ходатайство общества онъ сумѣетъ отклонить и оставитъ его въ Липцахъ. По уговору съ командиромъ капитанъ Жандакъ получилъ двухмѣсячный отпускъ по болѣзни и устроилъ свой новый домъ. Въ качествѣ обывателя слободы Липцовъ онъ прожилъ въ ней въ добромъ здоровьи и благополучно многіе годы, стараясь забыть передряги 1852 и 1853 гг. и продол-

жая дѣлать свои походы съ этапомъ по воскресеньямъ— въ Цыркуны, а по средамъ — въ Чермошанское...

Въ 1885 году проѣздомъ я на короткое время остановился въ Харьковѣ повидаться съ старыми товарищами по 1-й гимназіи и университету, докторомъ Михаиломъ Денисовымъ и профессоромъ Л. Гиршманомъ, и отъ нихъ узналъ, что общій товарищъ нашъ Константинъ Жандакъ, служа гдѣ-то въ уѣздѣ, уже умеръ, скоро за нимъ скончалась и матушка его, Дарья Ивановна; только о Николаѣ Прохоровичѣ не удалось мнѣ собрать свѣдѣній.

О. Зарѣцкій.

16-го января 1897 г., Екатеринодаръ.